

Владимир Спиваков: «Равнодушие – страшный грех»

Маэстро выступит на вручении премии имени Анны Политковской
«Камертон».

Большой разговор о музыке, гражданской позиции и сострадании

Народ творит кумиров и ниспровергает авторитеты. Удерживать его внимание долго, не привлекая внимания специальными средствами типа скандала, почти нереально. Но Владимир Спиваков, кумир и моральный авторитет, опровергает эти жизненные наблюдения. Вот уже почти полвека довольно широкая публика не спускает с него глаз. Он восхищает ее виртуозным талантом и убеждает своим действенным состраданием. Возможно, между музыкой и непафосной добротой есть связь, которую я и пытаюсь нащупать в разговоре со скрипачом, дирижером, интеллектуалом, коллекционером и просто очень хорошим человеком.

Владимир Спиваков. Фото Юрия Роста. Новая газета

– Еще не остыли впечатления после концерта памяти Андрея Сахарова в Доме музыки, где многих просто потрясло исполнение поэмы Шостаковича «Казнь Степана Разина» на стихи Евтушенко. Поэтому в начале разговора хочу спросить: почему вы выбрали это сочинение?

– Лично для меня оно знаковое: и его автор, и главный герой были людьми, не отступавшими от своих идей и убеждений. За это их преследовала и унижала власть. Строчка из поэмы «Вы всегда плюете, люди, в тех, кто хочет вам добра» применима к судьбе многих исторических личностей, в частности – Сахарова, которому был посвящен концерт. Андрей Дмитриевич не был религиозным человеком, однако его жизнь и устремления были истинно христианскими. Поэтому мы завершили программу песнопением Рахманинова «Тебе поем» из Литургии святого Иоанна Златоуста. Оно звучало молитвой и об ушедших героях, и обо всех нас, живущих.

– У вас особое отношение к Сахарову?

– Я не был лично знаком с Андреем Дмитриевичем, но общался с его женой Еленой Боннэр. Мне с «Виртуозами Москвы» довелось открывать Центр Сахарова в Страсбурге, где дирижировал великий Иегуди Менухин. Тогда должен был приехать Анатолий Собчак, но заболел, зато была Галина Васильевна Старовойтова, которую не грех вспомнить сегодня. Для меня знакомство с ней было особенно важным, поскольку я ее всегда глубоко уважал. Мы провели очень теплый вечер, тем более выяснилось, что она любит музыку и играет на виолончели. Потом по просьбе Мстислава Ростроповича мы выступали в Бостоне, чтобы собрать средства для сахаровского центра. Кстати, собрали большую сумму.

Для меня Андрей Дмитриевич – пример высокого служения Отечеству. Не комнатный мыслитель, а бесстрашный борец за свои идеи. Мне особенно близки его душевное смятение, неуспокоенность. В своем дневнике во время ядерных испытаний в Семипалатинске он пишет про наш невероятный технический прорыв и в то же время страшно переживает случившуюся гибель девочки, задумывается о том, какое несчастье может принести людям

ядерное оружие. А его призыв к политической конвергенции сегодня актуален как никогда. Я стараюсь руководствоваться его принципом: «Нужно не бояться идти в заданном направлении».

– Отказ от ордена Франциска Скорины, которым вас наградила Александр Лукашенко, – это движение по заданному направлению?

– Скорее следование своей натуре. Я вообще по природе своей страдалец, у меня еще не атрофировалось чувство сострадания, и, узнав о крайней жестокости, с которой белорусские власти подавляют волеизъявление своих граждан, я не мог остаться равнодушным. При этом, заметьте, не нарушил нашу Конституцию, в которой не значится, что гражданин РФ не имеет права не уважать президентов и премьер-министров ближнего или дальнего зарубежья.

– А сейчас что более всего задевает ваше гражданское чувство?

– Я в принципе не понимаю, почему свои должны издеваться над своими.

– Вы видите, что это происходит?

– Вижу, что часто слишком преувеличено силовое воздействие на людей. В Библии написано «око за око», но это не значит, что нужно мстить, это значит, что не нужно превышать наказание за совершенные действия. И это мое мнение.

– В этом остром сопереживании людям – корень вашей благотворительности?

– Я много езжу по стране и вижу, как живут люди, в каком состоянии больницы, школы, культурные учреждения, поэтому не могу не помогать людям. Разделяю мысль Черчилля: пессимист видит трудности при каждой возможности, оптимист в каждой трудности видит возможности. И, кстати сказать, мое восхищение вашим главным редактором, Дмитрием Андреевичем Муратовым, в фундаменте имеет именно его страсть помогать, не быть равнодушным.

– К сожалению, это ваше справедливое упоминание Дмитрия Андреевича придется убрать.

– 0 нет! Я настаиваю. Не стесняйтесь это сказать от меня, потому что вся эта его борьба за лекарства для больных СМА,

добывание денег для спасения детских жизней важно для многих, а меня приблизило к нему духовно. Тем более как добывать деньги для подобных вещей, знаю по себе. У меня есть правило: не следует быть гордым, когда просишь за других.

(Если без упоминания моего имени не обойтись, то уточню: главные герои – родители «смайликов». Благотворители. Фонд детей СМА. «Эхо Москвы» и «Такие дела». Огромную роль сыграл доктор Курмышкин. Нам же все ввали в конституционной комиссии, в Думе, в Совете Федерации. Теперь, благодаря народным усилиям, Владимир Путин создал фонд «Круг добра». И мы по всей стране видим новые возможности для больных СМА. Мы со всей пристальностью следим за деятельностью Фонда и скоро начнем новые акции в поддержку больных орфанными (редкими) болезнями. Ну, хочется оставаться людьми, а не оптимизаторами. – Муратов.)

– Сейчас оно явно пойдет в ход, учитывая, что доходы людей падают, жизнь осложняется, так что помощь вашего благотворительного фонда будет еще нужнее талантливым детям.

– И не только им. Мы поддерживаем вместе с фондом «Артист» и ветеранов театра и кино, сотрудничаем с фондом Чулпан Хаматовой, фондом «Вера». В общем, помогаем всем, кто в этом нуждается. Покупка музыкальных инструментов, красок, мольбертов, лечение и операции, а теперь и устранение ковидных последствий – все это требует еще больше денег и внимания.

– Фонд продолжает посылать маленьких музыкантов к их сверстникам в колонии для несовершеннолетних? Все-таки «Дети на обочине» – очень необычное направление.

– Занимаемся этим, по-моему, с 1998 года и продолжаем до сих пор – я не привык ничего бросать на половине. У нас ведь больше 60 колоний для несовершеннолетних. Я вообще считаю, что каждый ребенок рождается талантливым и уж точно не рождается преступником. Беда в том, что кого-то вовремя не разглядели, не создали условий, не протянули руки. Тем более оступившемуся надо помочь выбраться на дорогу. Когда встречался с начальниками этих колоний, то они рассказывали, как дети

воспринимали происходящее.

Вот представьте: среди этого мрака появляется девочка с бантиками, в белых чулочках, в хорошем красивом платье и начинает играть на флейте. Сидящие в зале дети плачут. Для них это действительно луч света в темном царстве и возможность увидеть другую жизнь. Вот ведь в чем дело.

– **Какие произведения исполняете?**

– Классические, с учетом детской аудитории, конечно.

– **«Детский альбом» Чайковского?**

– Да, и какие-то пьесы доходчивые, «Мелодию» Глюка, которая проникает прямо в сердце. Надо показывать таким детям, что существует другая жизнь, что нужно в эту жизнь идти, что она прекрасна. В музыке совершенно нет агрессии.

– **Кто-то из этих детей пришел к музыке?**

– Не знаю. Во всяком случае, посыл дан. Должен сказать, что это все происходит с ведома Минюста. Однажды я встретился с бывшим генеральным прокурором Юрием Яковлевичем Чайкой, он меня сердечно благодарил за это.

– **Вы славитесь своим умением составлять концертные программы. Как вам удается удерживать внимание и искушенных, и неискушенных слушателей?**

– Надо много думать, очень много думать, честно вам говорю. Когда Исаак Ньютон выдал в свет свою теорию гравитации в связи с падающим яблоком, многие говорили: ну что тут такого особенного? Но сохранились письма Ньютона, где он писал, что много думал о том, что удерживало Луну, вращающуюся вокруг Земли, и что удерживало Землю на орбите вокруг Солнца. Вот в чем причина, понимаете? Я не могу печь программы как блины, мне нужно время, и времени нужно давать время тоже.

– **Наверное, во время пандемии у вас было много времени подумать.**

– О да! Мы вместе с Сати три месяца добросовестно сидели в своей московской квартире, и я даже сказал, что если мы не

поссоримся... Нет, это Сати сказала: «Если мы не поссоримся с тобой за это время, то есть шанс дожить до золотой свадьбы.

– **Похоже, отметим вашу золотую свадьбу непременно.**

– У нас 38 лет совместной жизни, надо постараться дотянуть, конечно. Что касается вакцинации, то я один из первых сделал ее для примера, и большинство людей, с которыми работаю, провакцинировались.

– **Все эти ковидные неприятности как-то отразились на отношениях внутри оркестра?**

– У меня на редкость уважительные и товарищеские отношения с музыкантами, поэтому никаких проблем в человеческих взаимоотношениях не было.

– **Но пандемия сильно повредила вашей деятельности?**

– Естественно, мы потеряли все что могли. Например, колоссальные гастроли. Национальный филармонический оркестр должен был открывать в театре «Ла Скала» сезон, потеряли Германию, Швейцарию, Люксембург, Испанию, Америку, много чего еще.

– **И зарубежные звезды, на выступления которых так любит ходить наша публика, не приезжают, что тоже бьет по карману?**

– Свою деятельность президента Московского международного Дома музыки я начал с того, что пригласил Лучано Паваротти. У нас действительно любят звезд, и сейчас с этим огромная проблема: гонорары снижаются, билеты хуже раскупаются, еще и политика мешает, поскольку нашу вакцину не принимают на Западе, а западную – «зеркальным образом» у нас. Сейчас часто вспоминаю фразу Бродского «к равнодушной отчизне прижимаясь щекой».

– **Почему вы отказались устраивать онлайн-концерты в Доме музыки?**

– У Роберта Рождественского есть такие слова: «Есть эхо. Предчувствие притяженья. Почти что смертельное баловство...» И это действительно ни с чем несравнимое ощущение – когда вы выходите на сцену, когда вам внимает зал, оркестр, идет обмен

энергиями, музыка проникает в душу человека, и он вдруг ощущает себя личностью, способной чувствовать, воспринимать, переживать. Прав был Толстой, говоря, что искусство есть одно из средств единения людей. И я бы сказал – утешения, особенно важного сейчас. Без этого настоящее искусство не рождается.

– Хорошо, что посещение классических концертов вошло в моду у молодых. Как считаете, все восстановится?

– Надеюсь, что залы будут постепенно заполняться. Сужу по нашим концертам в МГУ, в Бауманке, с которыми мы сотрудничаем. Полные залы, прием горячий невероятно, мы счастливы там играть. Об этом мало кто знает, но это факт.

– Скажите, молодое поколение музыкантов отличается от прежних?

– Они значительно быстрее нас. И технически более подкованы по части информации, имеют возможность по интернету заказать любые ноты, по зуму заниматься друг с другом, что и происходило во время пандемии. Поэтому, когда мы, наконец, собрались вместе для первого концерта, оказалось, что все в прекрасной форме.

– Наверняка это все-таки заслуга не техники, а дирижера. Вот профессия, понимание которой недоступно обыкновенному человеку! Как это возможно – улавливать малейшие оттенки звучания и эманаций целого оркестра? Чем нужно обладать для этого, помимо очевидного?

– Мне кажется, Марина Ивановна Цветаева поразительно точно нашла определение оркестру: «Оркестр – это единство множества». Для меня это не работа. Музыка рождается заново каждый раз, когда выхожу к пульту. Для этого надо воспитывать душу. Вот сейчас работаю над программой к 150-летию Александра Николаевича Скрябина. Мне кажется незаслуженным то, что он не стоит в мировом рейтинге композиторов на должном месте. Скрябин необыкновенно современен, вот это ощущение тревоги, которое сейчас просто разлито в воздухе, у него очень сильное. Переслушав некоторое количество записей, я понял, что должен расчистить эту музыку, как расчищают иконы. Изучаю, вслушиваюсь в каждый такт партитуры, чтобы сказать любому

музыканту оркестра – где, что, как, когда надо делать.

Если вы смотрите фильм Бергмана – ну, к примеру, «Фанни и Александр», – то вас может потрясти не только фабула, не только актеры, но и то, как это смонтировано. Вы не чувствуете монтажа – вот что важно. То же самое – с симфонией: когда я работаю с партитурой, нужно, чтобы не слышен был монтаж, чтобы из-за деталей не потерялось целое и чтобы целое не потеряло детали. Мы часто не знаем, кто и что является нашими учителями.

– А вы знаете, кто ваши учителя?

– Одна из первых моих учителей, Любовь Марковна Сигал, была ученицей великого педагога Леопольда Ауэра, так что я через нее ощущал тонкую связь с ним. А один из учителей, можно сказать хотя бы в шутку, сохранил меня для профессии. Дело в том, что я с детства любил живопись, к тому же всю юность провел в Ленинграде, – как вы понимаете, Эрмитаж, Русский музей... В Москве, пока не было построено общежитие Московской консерватории, снимал угол на улице Кирова, дом 24. Там жил в коммунальной квартире художник Александр Васильевич Буторов, он в свое время занимался у выдающегося Чистякова, а потом я брал уроки у него. Однажды мы идем с ним по Рождественскому бульвару – в резиновых сапогах, с мольбертом, – и навстречу – мой профессор по скрипке Юрий Исаевич Янкелевич. Я поздоровался, он спрашивает: «Это что такое?» Отвечаю: «Едем на пленэр в Измайловский парк писать этюды». Он говорит: «Завтра придешь ко мне, пленэр». Я пришел, и он заявил: «Либо ты прекратишь занятия боксом и живописью, либо будешь продолжать играть на скрипке». Ну вот – я послушался, и эта страсть к живописи превратилась в коллекционирование.

– Выбор между живописью и музыкой был самым сложным в вашей жизни или были вызовы серьезнее?

– Я и тогда понимал, что живопись – это скорее мое сильное увлечение, а вот однажды у меня был действительно сложный случай. В Америке один коллекционер инструментов предложил мне на выбор скрипки Страдивари, Гварнери. Выдающиеся совершенно.

Я же играл на скрипке простого венецианского мастера, его звали Франческо Гобетти. Вдобавок в «грудь» ей был вставлен, как при операции на сердце, такой байпас, так что она была не очень дорогой. Я поиграл на предложенных скрипках и вернул их. Коллекционер мне написал в ужасе: «Вы можете, господин Спиваков, объяснить мне, почему вы отказались от таких великих инструментов?» И я ему ответил: «Надеюсь, что вы понимаете разницу между страстью и любовью».

– **Что вам помогало делать нравственный выбор, хотя неловко и употреблять это слова, когда государство озаботилось духовно-нравственным воспитанием молодежи на сумму в 10 миллиардов рублей.**

– Знаете, древнегреческие философы задавались вопросом: для чего мы воспитываем своих сыновей, обучая их свободным искусствам? Дело не в том, что они будут демонстрировать добродетель, а в том, что они подготавливают душу для ее восприятия. И очень важно, в какой семье ты рос. У меня мать – блокадница, это уже о многом говорит. И важно, что я воспитан на русской литературе, на русской поэзии, и это те артерии, которые до сих пор меня питают. Какую бы книгу вы ни взяли из наших великих – вы понимаете, что это не только прошлое, а это настоящее.

– **Мы с вами понимаем, а понимают ли это, например, ваши дети?**

– Ну, мои дети, к сожалению, больше французы. Я как-то спросил мою младшую дочку (она уже довольно известная джазовая певица, училась в Бостоне в Berklee School of Music): «Как ты себя идентифицируешь?» Она говорит: «Я русская и француженка».

– **То есть «европейка нежная»?**

– Именно! Однажды Петр Ильич Чайковский, он занимался историей Петра I, в одном из писем к Сергею Ивановичу Танееву написал, что Петр I нас поместил в хвост Европы и, наверное, мы там останемся надолго. Я все-таки думаю, что мы не в хвосте Европы, а в ней, в Европе. Так что моя дочь на правильном пути.

– У вас есть панические настроения по поводу того, что происходит в мире?

– Конечно. То, что мы все время писали про Талибан, запрещенный в России, сейчас придется пересматривать. А к чему это приведет? Очень боюсь, что не к чему хорошему. Я люблю Узбекистан, мы часто там выступаем, люблю Среднюю Азию, а теперь там будет очень сложно. Опасность просто висит в воздухе.

– Вы состоите в Совете по культуре при президенте России. Что вы делаете, чтобы хоть как-то снизить общую тревожность и защитить культуру?

– Сразу скажу, что руководит Советом замечательный человек, очень порядочный, очень честный, настоящий русский интеллигент Владимир Ильич Толстой. И там мы рассматриваем премии для молодых, чтобы самым талантливым из них облегчить работу в будущем. Результат определяется тайным голосованием. И это очень важно. А Государственную премию за выдающиеся заслуги в области отечественной и мировой культуры в этом году получили владыка Илларион, которого считаю человеком Ренессанса. Столько, сколько он делает, просто непостижимо: и фильмы, и книги, переведенные больше чем на 30 языков, и музыка, которая исполняется во всем мире... Еще Хибла Герзмава, своим пением в лучших театрах мира прославляющая наше искусство, и выдающийся скульптор Александр Рукавишников. Очень рад, что нам удалось отстоять этих заслуженных людей.

– Чем еще важным, помимо музыки и благотворительности, вы занимаетесь?

– Случайно совершенно озвучил документальный фильм о народном поэте Башкортостана «Мустай Карим».

– Действительно неожиданно.

– Я все-таки родился в Башкирии и считал своим долгом что-то сделать для республики. Потом пару лет назад ко мне приехал посланник от Далай-ламы и от его имени попросил сделать аудиокнигу по книжке Его Святейшества «Этика XXI века». Представляете себе, какие тайны я вам раскрываю?

– **Невероятные.**

– Эту книгу на английском языке озвучивал Ричард Гир. Я когда ее прочел, то сразу согласился.

Еще и вспомнил, что в 1764 году Екатерина II своим указом признала буддизм одной из государственных религий России, а мне импонирует эта миролюбивая, толерантная религия, призывающая к милосердию.

Я вам больше скажу: когда попал в 52-ю больницу с ковидом, то мне прислали молитву, которую многие монахи под предводительством Далай-ламы читали за мое здоровье.

Еще из приятного – получил письмо от настоятельницы женского монастыря в Керчи, где мы играли благотворительный концерт в пользу восстановления монастыря. Также играю концерты для Фонда строительства детских хосписов, в Омске детский хоспис уже построили.

– **30 августа вам предстоит играть на вручении премии Анны Политковской в Доме музыки. Не помешает ли операция на руке, которую вы только что перенесли?**

– Вот не знаю, удастся ли мне взять скрипку хотя бы за несколько дней до этого, – пока что палец не гнется. Если смогу, то сыграю, конечно. А если нет, то в этом концерте примут участие «Виртуозы Москвы». Приехать я все равно приеду, уже заказал себе билет в Аэрофлоте.

– **Будем надеяться, что все-таки сможете сыграть на концерте. Что собираетесь исполнить?**

– Романтические пьесы Дворжака для скрипки, виолончели и фортепиано. Дворжак – исключительно искренний композитор, который много страдал, перенес не одну трагедию в жизни. Эти три пьесы вполне можно назвать так: «Жизнь». «Уход из жизни». «Путешествие в рай».

– **Хорошо, что не в ад.**

– Нет, мы в ад других пошлем.

– **Вы хотели сделать из Дома музыки остров счастья. У вас получилось?**

– Об этом будут судить другие, но я старался. В частности, подарил больше 100 работ из своей коллекции живописи Дому музыки. Там замечательные мастера: Вечтомов, Жутовский, Плавинский, Александр Григорьев, Оксана Мась, которая выставлялась в Милане, а сейчас у нее будет большая выставка в Лондоне, выдающаяся художница Гаянэ Хачатурян. Бюст Рахманинова работы скульптора Гумилевского, который я увидел в Минске в Национальном музее. Он меня потряс совершенно, и мне отлили его в подарок, он стоит у меня в кабинете. Кстати, когда туда зашел Бернар Арно, один из самых богатых людей мира, он сказал: «Владимир, у меня такого кабинета нет».

А на артистическом входе в Дом музыки висит огромная «Троица» современного художника, русского символиста, очень верующего человека из Кирова Александра Мочалова. Когда видят, некоторые начинают креститься, представляете? Люди с другим чувством теперь входят в Дом музыки – по крайней мере, в этих стенах живет душа. А то, что я вынес, добиваясь того, что бы он стал визитной карточкой Москвы, то об этом я забываю легко.

– И все-таки какой грех вы считаете самым непростительным?

– Равнодушие и предательство. В Библии Господь говорит о человеке «ни холодном, ни горячем: извергну тебя из уст Моих». Это значит, что человек равнодушен. А равнодушие – страшный грех.

– 12 сентября у вас день рождения. В каком настроении его встречаете?

– Очень тяжелое время у меня, в частности, потому что я пересек планку 75 и начинаю терять близких друзей. Вот ушел художник Олег Целков. Он стал слепнуть и в какой-то момент сложил холсты, вытер кисти, закрыл мольберт и переключил себя на переход в другое состояние. Грустно это, конечно, все это грустно... Но всякие переживания – это все равно определенный духовный опыт. Так что бояться переживаний не нужно. Но смирение, действенное смирение надо сохранять, надо думать о близких, о сохранении семьи, о настоящих жизненных ценностях,

стараться не разбрасываться на мелочи, беречь друг друга. Надо что-то хорошее оставить после себя.